

Леонид МОСИОНЖНИК

АНТИОХ ДМИТРИЕВИЧ КАНТЕМИР

*Его поэзия - поэзия ума, здравого смысла и благородного сердца.**В.Г. Белинский*

Князя Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708-1744 гг.) еще в XIX в. считали основоположником современной русской литературы. Так расценивал его и В.Г. Белинский (1948 (1845): 732-733) в специально посвященной ему статье. Несколько раз на протяжении двухсот лет затевались издания то сборников русской классики, то сборников биографий писателей. Первый (и чаще всего единственный) том неизменно был посвящен Антиоху Кантемиру.

Литературное наследие А.Д. Кантемира не слишком велико: сохранились послания, баллады, эпиграммы, басни, переводы - особенно римских сатириков, с которыми Кантемир чувствовал свое духовное родство. Осталась неоконченная поэма о Петре I («*Петрида*»). Линию этой поэмы - воспевание «ироев российских» в стиле Гомера - позже продолжит М.М. Херасков (Хереску, 1733-1807 гг.) поэмой о взятии Казани Иваном Грозным - «*Россиадой*». К слову сказать, М.М. Хераскову принадлежат не только классические басни, но и едва ли не первые в России литературные утопии: «*Нума, или Прозцветающий Рим*» (1768 г.), «*Царь, или Спасенный Новгород*» (1800). Сам Кантемир не раз замечал, что хвалебный слог - не его стихия: оды ему давались с трудом, и, даже работая над «*Петридой*», автор, при всем уважении к памяти Петра, ограничился первой книгой.

Главное в литературном творчестве А.Д. Кантемира - девять сатир (последняя из них осталась неоконченной). Читать их в наши дни сложно. Кантемир успел сделать лишь первый шаг от старого литературного языка (во многом еще церковного) к живой речи. Размер стиха еще старый, допетровский: 13 слогов в строке, последний слог - ударный, остальные - как получится. Если бы не рифма, их можно было бы принять за прозу. Кантемир не принял реформу русского стиха, провозглашенную в 1735 г.

В.К. Третьяковским, хотя незадолго до смерти сам высказал сходные мысли - в *«Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских»* (1744)¹. Вот, к примеру, начало его самой знаменитой сатиры - *«К уму своему»*:

Уме незрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки.
Не писав, летящи дни века проводи
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти...

(Сатира I, 1-4).

Однако тяжелый слог не отпугивал Грибоедова и Пушкина, у которых есть более или менее явные цитаты из Кантемира («сужденья черпают из забытых газет...») - ср. Сатира VII, 14-18; «собаке дворника, чтоб ласкова была» - ср. Сатира VII, 14-18; «щей горшок, да сам большой» - Сатира V, 719). Не отпугнул он и Белинского, писавшего, что от «громозвучных од» Ломоносова и даже Державина «можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться» (Белинский 1948 (1845): 753). По его словам, «Кантемир начал собою историю светской русской литературы» (там же: 732-733). Несколько скромнее оценивал заслуги А.Д. Кантемира князь П.А. Кропоткин, уделивший ему в своем очерке истории русской литературы всего два предложения, но и он признавал: «Ему принадлежит ряд сатир, в которых он выражал свои мнения со свободой, вызывающей удивление, если мы примем во внимание нравы той эпохи» (Кропоткин 2004 (1905): 277).

При жизни Кантемир так и не увидел свои сатиры напечатанными. Они распространялись в списках. Первое русское академическое издание вышло лишь при Петре III. Приказание об издании сатир подписали М.В. Ломоносов и Я. Штелин (Прийма 1956: 34, 48-49). Второе издание стало возможным лишь в 1836 г., но в 1851 г. Николай I лично указал: «По моему мнению, сочинений Кантемира ни в каком отношении нет пользы перепечатывать» (там же: 34).

Антиох Дмитриевич - сторонник просвещения, он не просто высмеивает пороки, общие всегда и для всех, но и высказывается по вопросам, занимающим российское общество того времени. Первым из «хулящих учение» у него оказывается «Критон с четками в руках» и с жалобами на просвещенную молодежь:

Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали.

Одной из главных претензий Кантемира к Третьяковскому было то, что тот в своем поэтическом творчестве сам оказался не на высоте собственных теоретических требований.

Вопрос о вотчинах церкви - это и память о спорах времен Никона, и влияние Германии, где князья-лютеране укрепили свое благосостояние и власть за счет секуляризации церковных земель. В петровской России церковь превратилась в государственное ведомство, а главой ее стал сам император, царь при надобности мог переливать колокола на пушки, не опасаясь протеста митрополитов. Однако взгляд Кантемира - это взгляд отчасти со стороны, из Молдавии, где ситуация была иной. Проводя церковную политику с дальним прицелом - встать во главе православного мира вместо поверженной Византии (см.: Атанасов 2000 и др.), господа щедро наделяли церковь землями. Церковь в Молдавии имела вотчины в десятки сел - хоть они, наравне с боярскими, и были разбросаны по всей стране, никогда не составляя единого массива. Только церковные феодалы пользовались в Молдавии правом иммунитета (см. подробно: Советов 2001-2002). Существовала и практика «приклонения» монастырей - превращения их в филиалы духовных центров Афона и Синая. В XVIII в. молдавская церковь была гораздо более независимой от светской власти, чем в России после падения Никона. Потому-то, видимо, сын господаря уделяет этому вопросу особое внимание, вынося его в самое начало первой сатиры.

Вся Сатира II (*«На зависть и гордость дворян»*) - насмешка над родовым чванством. Конечно, это было в духе политики Петра, выдвигавшего незнатных, но талантливых людей. Но опять же видна тут специфика мировоззрения автора: в Молдавии родовитость не значила так много, как в России. Вскоре, в 1746 г., господарь Константин Маврокордат подведет итог сложившемуся положению, постановив: «Боярин - это тот, кто служит».

Знаменитый финал Сатиры V отмечен всеми советскими историками литературы. Это рассказ о крестьянине, жалующемся на свою судьбу и завидуящем (напрасно, как он вскоре убеждается) участи солдата. Этот образ «открывает крестьянскую тему в русской литературе. Кантемир первым из русских писателей дал правдивое и сочувственное изображение крепостного крестьянина, жалующегося на свою тяжелую судьбу, — и в этом незабываемая заслуга писателя перед русской литературой» (Прийма 1956: 18-19). В Молдавии грань между крестьянством и низшими служилыми не была столь резкой, как в России, и крестьянские проблемы здесь были заметнее. Здесь не резало бы слух утверждение: «плоть в слуге твоей однолична» (II, 292). А ведь во времена, когда жил сатирик, крестьяне и к народу-то не причислялись - таковым считалось только дворянство. Еще его просвещенный отец в *«Описании Молдавии»* изложил легенду о происхождении молдавского народа от «римской молодежи», пришедшей с

Драгошем и заселившей «молдавскую землю, опустошенную татарскими нашествиями, новыми колонистами *из крестьян, пригнанных из Польши*» (Кантемир 1973: 139-140; курсив мой - Л.М.).

Наконец, особо стоит остановиться на Сатире IX - «*На состоянии сего света (К Солнцу)*». Главная мишень тут - церковь. Тема уже в те дни не новая, но среди общих для эпохи Просвещения мест (упреки в невежестве, косности, корыстолюбии) у Кантемира пробивается еще один мотив - национализм. Вот жалуется священник официальной церкви:

Как такие исцелят души своей раны,
Что не трепещут смело знаться с бусурманы?
Каки б они ни были, да только не русски;
Надобно б их отбегать: уж в них путь не узкий,
Но широкие врата к пагубе доводят
Они ж, несмотря на то, смело туда входят!

(Сатира IX, 105-110).

Комментарий автора к этому стиху: «Весьма бы то здоровое учение было, если б он учил веры бусурманской отбегать; но то беда, что он вообще учит их не любить, каковы б они ни были, а должность пас-тырская первая - то, что, умножая по закону божию братолюбие...».

А вот что говорит соперник этого священника - старовер:

«Как, - говорит, - библию не грешно читати,
Что она вся держится на жидовской стати?
Вон де за то одного и сожгли недавно,
Что, зачитавшись там, стал Христа хулить явно...».

(Там же, 31-34)

Слухом о сожжении (!) в середине июля 1738 г. в Петербурге некоего капитана за переход в иудейство Кантемир был потрясен: сатира, датированная концом того же месяца, написана явно под свежим впечатлением от дикой новости: «О, как безумные и дерзкие невежды! Причина ли библия святая дьявольского того орудия погибели?».

Просвещение в России было начато деятельностью выходцев из Украины и Белоруссии, уже затронутых общеевропейским процессом. Роль их была настолько велика, что позволила Н.С. Трубецкому выдвинуть смелый тезис: в XVII-XVIII вв. произошла украинизация русской культуры, причем этот процесс - в отличие от вестернизации — он приветствовал (Трубецкой 2007 (1927)). При этом князь Трубецкой (2007 (1927): 499, сн.1) оговаривается, что в XVII в. «различия между малороссами и белорусами не делалось», поэтому, говоря об украинских деятелях, он включает в их число и белорусских. С этим можно спорить, но факт налицо: достаточно назвать яркие фигуры Симеона

Полоцкого или Феофана Прокоповича. Но в этом просветительском движении заметна и молдавская струя. Еще Иван Пересветов вкладывал мудрые речи в уста Петра Рареша. Феофан Прокопович был выпускником Киево-Могилянской академии, основанной Петром Могилой и сохранившей заложенные им традиции. Николай Спафарьев (Милеску Спэтару) был видным дипломатом, первым русским послом в Китае и зачинателем русского китаеведения. Наконец, сами Кантемиры - отец и сын!

Антиох Кантемир действовал в русле движения, враждебного узкому традиционализму «стародумов». В ходе политической борьбы 1730 г. «Кондиции», ограничивавшие самодержавие, Анне навязали «верховники» - аристократы из старейших московских родов. Их победа привела бы к превращению России в республику олигархических родов, вроде Речи Посполитой. А петицию в защиту просвещенного самодержавия составили три человека: *малорус* Феофан Прокопович, *великоросс* Василий Татищев и *молдаванин* Антиох Кантемир. Это была программа самоутверждения мировой державы, не делящей своих подданных по племенному признаку. И русское дворянство пошло за этой программой, а не за магнатами.

В Россию Антиох Дмитриевич был привезен трехлетним ребенком, и все же временами испытывал комплекс эмигранта - чужого повсюду. «Кто я таков — не скажу, а вот мне примета: Не русак, дик именем, млады мои лета»; «Аще и росски пишу, не росска есмь рода» - пишет он о себе в эпиграммах (*Автор о себе, II, III*). Но в то же время к французской знакомой обращается: «Мы, русские...» (Прийма 1956: 23). На современный язык это переводилось бы: «мы, россияне». Культурная близость молдаван и русских позволяла ему чувствовать себя в России своим - в отличие, например, от немцев из свиты Бирона, — поэтому племенной национализм был ему заметнее. Тем более что Молдавия отличалась национальной и религиозной терпимостью. В этой стране, лежащей на перекрестке народов и культур, никогда не было ни национальных распрей, ни преследований за веру, зато господа охотно принимали в стране и гуситов (при Александре Добром), и русских старообрядцев.

А.Д. Кантемир не мог не понимать, что ни Анна, ни Елизавета не годятся на роль идеального просвещенного монарха. В последние годы он явно надеялся на нового наследника - Петра Федоровича, будущего Петра III, память о котором в русскую историю вошла в версии его убийц во главе с «безутешной» вдовой. Легенде о «голштинском выродке» нельзя верить ни в одном слове. Петр не был талантливым монархом, но намерения у него были честные и неглупые, да и сделать он успел немало. Как только он был объявлен наследником, Кантемир из Парижа поздравил его. Судя по теплому ответу 14-летнего

Петра («Сударь, я наилучшим образом отблагодарю, когда это будет возможно, ту преданность и уважение ко мне, которую Вы так живо выразили в письме...»), а также по тому, что именно в этом письме к вельможе и поэту, находящемуся в почетной ссылке, наследник сделал едва ли не первое программное заявление («Так как я всегда буду следовать пути Петра Великого...»), речь шла о большем, чем протокольный обмен любезностями (Мыльников 1987: 159-160). Осовременивая термины, можно сказать, что Кантемир был в то время чем-то вроде привилегированного диссидента, и наследник демонстративно сделал первый шаг именно в его сторону. Во всяком случае, именно в царствование Петра III впервые стало возможным легальное издание сатир Кантемира на родине. Приказание об издании сатир подписали в феврале 1762 г. М.В. Ломоносов и Я. Штелин (Прийма 1956: 34, 48-49). Следующее издание стало возможным лишь в 1836 г., и только в 1851 г. Николай I лично указал: «По моему мнению, сочинений Кантемира ни в каком отношении нет пользы перепечатывать» (там же: 34).

Первый поэт новой России скончался в Париже, не дожив до 36 лет. Тело его было перевезено в Москву и похоронено в Никольском греческом монастыре, рядом с отцом. Там оно и покоилось почти 200 лет. Затем могилы едва не стали жертвой тогдашнего «советского» вандализма - борьбы с «наследием царского режима». Монастырь был обречен на разрушение. Однако вмешалось румынское правительство, по настоянию которого прах семьи Кантемиров в 1936 г. был перевезен в Яссы и заново погребен в церкви Трех Святителей, рядом с прахом других молдавских господарей. Там и покоится ныне Антиох Дмитриевич Кантемир — молдаванин, стоявший у самого истока великой русской литературы.

* * *

Конечно, сатира Кантемира - это не «карающая лира» Некрасова («питая ненавистью грудь...»). Он надеется лишь на просвещенного монарха, ему видны пороки всех сословий. По словам того же Белинского, Кантемир не столько бичует противников, сколько сечет их лозой: они скорее смешны, чем страшны, и тратить на них гнев светлейшего князя — слишком много чести. И, тем не менее, он впервые в России назвал свою сатиру «смехом сквозь слезы» — слова эти стали крылатыми с легкой руки Кантемира: «Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу» (Сатира IV, 36). Однако многие темы, ставшие для русской литературы вечными, звучат у Кантемира впервые.

Это тема гражданского долга, долга не перед царем, а перед собой и согражданами-россиянами («Все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может»). Он первым ввел в русский язык гордое слово «гражданин» — то есть человек, осознающий свой долг не перед властью, но

перед Отечеством. То самое слово, которое более полувека спустя император Павел попытался изгнать из русского языка, заменив на «обыватель» (житель).

Это - голос в защиту «народа», как мы бы сказали еще недавно - крестьян и солдат-рекрутов. Хотя, конечно, князь Антиох Дмитриевич - еще не «бунтовщик» Радищев.

Это - принципы гуманного воспитания (Сатира VII), позже развитые в систему И.И. Бецким. Да и многое другое.

Много позже Г.Р. Державин сделал к портрету А.Д. Кантемира надпись:

Старинный слог его достоинств не умалит.

Порок! не подходи: сей взор тебя ужалит.

ЛИТЕРАТУРА

Атанасов Г. 2000. Иконография образа «Святой Георгий на троне» в средние века // *Stratum plus*, 2000, № 6 (Печать презренного металла). С. 290-296.

Белинский В.Г. 1948 (1845). Кантемир // Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. II. М., ОГИЗ, 1948. С. 732-753.

Кантемир А.Д. 1956. Собрание стихотворений. Л., Советский писатель. (Библиотека поэта; Большая серия).

Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Пер. с лат. Л. Панкратова. Общ. ред., вст. ст., примеч. и коммент. проф. В.Н. Ермуратского. Кишинев, Картя молдовеняскэ. — 222+XXVIII с.

Кропоткин П.А. 2004 (1905). Идеалы и действительность в русской литературе // Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М., Эксмо, 2004. (Антология мысли). С. 253-592.

Лурье Я.С. 1981. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским [Тексты и пер. с древнерус.] / Текст подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков; [Коммент. В.Б. Кобрин, Я.С. Лурье]. М., Наука, 1981. — 431 с. (Лит. памятники). С. 214-249.

Мильников А.С. 1987. Легенда о русском принце (Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л., Наука. — 174 с. («Из истории мировой культуры»).

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским [Тексты и пер. с древнерус.] / Текст подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков; [Коммент. В.Б. Кобрин, Я.С. Лурье]. М., Наука, 1981. — 431 с. (Лит. памятники).

Прийма Ф.Я. 1956. Антиох Дмитриевич Кантемир // Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., Советский писатель. С. 5-52.

Советов П.В. 2001-2002. Преступление и наказание (Очерки истории обычного права и законодательства средневековой Молдавии) // *Stratum plus*, 2001-2002, № 6 (Знамения цивилизаций). С. 26-151.

Трубецкой Н.С. 2007 {1927}. К украинской проблеме; Ответ Д.И. Дорошенко // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., Эксмо. С. 498-522, 546-563.